

РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ

А Л Е К С А Н Д Р
Г О Р С К И Й

ВРЕМЯ СМЕРТИ

Полковник Реваев. Дело особой важности

Александр Горский
Время смерти

«Центрполиграф»

2020

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Горский А. В.

Время смерти / А. В. Горский — «Центрполиграф»,
2020 — (Полковник Реваев. Дело особой важности)

ISBN 978-5-227-08931-1

В небольшом городке Владимирской области одно за другим происходят преступления, связанные с одним из крупнейших обувных предприятий страны. В подозрительной автокатастрофе погибает главный бухгалтер, происходит пожар на фабрике, прокурора Марию Шнейдер обнаруживают повешенной в собственном доме. Для расследования громких преступлений из Москвы вызывают группу полковника Реваева.

УДК 882
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-227-08931-1

© Горский А. В., 2020
© Центрполиграф, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Александр Горский

Время смерти

Серия «Русский детектив»

© А. В. Горский, 2020

© Художественное оформление серии «Центрполиграф», 2020

© «Центрполиграф», 2020

* * *

Глава 1

14 июня этого года

Утро выдалось солнечным и безветренным. Утро! С понедельника по пятницу начало одиннадцатого уже никто не назвал бы утром, это был разгар рабочего дня. Но в субботу в это время утро только начинается. Она удобно устроилась на больших садовых качелях и с наслаждением потягивала кофе. Как же хорошо, где-то совсем рядом поют какие-то птицы, названия которых ей были неизвестны да и безразличны. Какая разница, кто именно скрывается в кронах деревьев, главное, что эти кто-то издают такие замечательные звуки. А вот эту птицу она знает. Она улыбнулась, услышав ритмичные удары по стволу дерева, это «пение» ни с чем не перепутаешь. Она допила свой кофе, оставила чашку в сторону и, зажмурившись от удовольствия, потянулась. До чего здорово, что в свое время она не пожалела денег и купила этот дом. Все-таки ни одна, даже самая лучшая городская квартира не может дать такого удовольствия, как загородная жизнь. Когда месяц назад в саду цвела вишня, она подолгу гуляла по своему просторному участку, наслаждаясь этой необыкновенной красотой, которую раз в год дарит природа. С участком, конечно, ей очень повезло, прежние владельцы вложили в него много сил, зато теперь густые заросли высоких кустов сирени вдоль ограды и разросшиеся кроны садовых деревьев позволяли, не опасаясь соседских взглядов, ходить по участку хоть в чем мать родила. Она иногда так и делала, точнее, могла себе позволить выскочить голышом из бани, пробежать несколько метров по траве и запрыгнуть в большой каркасный бассейн, стоявший посреди двора на солнечной лужайке. Поскольку сейчас водные процедуры запланированы не были, на ней была розовая шелковая комбинация, надетая на голое тело. Она любила розовый цвет, по ее мнению, он был ей к лицу. Окружающие говорили ей то же самое, впрочем, по мнению окружающих ее мужчин, к такому прекрасному лицу подошел бы любой цвет. А мнение окружающих женщин ее мало интересовало, хотя ей всегда было приятно, если удавалось заметить чей-то завистливый взгляд. Однажды она так и сказала Ленке:

- Я зависть задницей чувствую. И знаешь, что от этого происходит?
- Чего? – Подружка запихала в рот остатки гамбургера и уставилась на нее.
- Она от этого становится еще более упругой.

Ленка только удивленно покачала головой и присосалась к трубочке, торчащей из стаканчика с молочным коктейлем.

Как ни хорошо было утреннее безделье, ей надо было вернуться в дом. Во второй половине дня должны были приехать гости, а это означало, что надо хоть немного привести жилище в порядок. Она встала, вновь потянулась, изящно прогнув спину и даже успев мимолетно пожалеть, что никто не может оценить этот великолепный изгиб, взяла пустую чашку и направилась к крыльцу. Войдя в дом, она сразу прошла на кухню и, открыв кран, тщательно вымыла чашку. Шум воды на время заглушил все остальные звуки, и она слишком поздно поняла, что не одна в этом большом замечательном доме с толстыми стенами и тройными стеклопакетами на окнах. В доме, где она может в любое время дня и ночи танцевать, слушать музыку или петь караоке, не боясь быть услышанной соседями. А еще в этом доме можно было сколько угодно кричать, и крики эти останутся не услышанными никем, даже если этого будет хотеть сам кричащий.

Но схвативший ее за волосы мужчина вовсе не был настроен слушать ее крики. Он прижал острое лезвие к ее горлу и угрожающе прошипел прямо в ухо:

– Еще один крик, и все. Кричать будет нечем. – Затем чуть спокойнее добавил: – Если бы хотел убить, уже убил бы, так что не дергайся.

Если бы хотел убить, то уже точно убил бы, думала она, послушно ложась на пол и заводя руки за спину. Так пролежать ей пришлось достаточно долго. Появившийся в ее доме человек связал ее, но не какой-нибудь веревкой или скотчем. К ее удивлению, он, словно мумию, с головы до ног обмотал ее эластичным бинтом. Как женщине, на которую напали, ей конечно же было страшно, но ее мозг, мозг следователя, хладнокровно фиксировал все поступки мужчины. Поступков, правда, пока было немного. Связав свою жертву и надев ей на голову плотный тканевый мешок, мужчина оставил ее лежать на полу, а сам перебрался в гостиную. Женщина ничего не могла видеть, поэтому тщательно прислушивалась к звукам, доносившимся из соседней комнаты. Она так и не смогла понять, что именно делает там мужчина. Затем загудела дрель. От неожиданности она вздрогнула, но вскоре стало ясно, что непосредственно ей инструмент не угрожал, проникнувший в дом человек что-то сверлил в гостиной. Ненадолго стало тихо, затем послышались гулкие удары молотка. Ей показалось, что удары доносятся откуда-то сверху, словно кто-то бьет по полу второго этажа. Потом вновь наступила тишина. Она лежала на полу, вслушиваясь и пытаясь понять, здесь ли еще нападавший, или, закончив не запланированный ею ремонт, он уже убрался из дома. Однако мужчина был все еще здесь. Она услышала его шаги, а еще он что-то напевал себе под нос, какую-то знакомую песню, однако слов разобрать она не могла. Затем шаги послышались совсем рядом.

Когда свет вновь ударил в глаза, она на мгновение зажмурилась, а затем увидела его. Острие лезвия находилось буквально в двух миллиметрах от ее левого глаза.

– Пароль от телефона подскажи мне, пожалуйста.

Запинаясь, она назвала цифры.

Мужчина некоторое время копался в телефоне, как оказалось, он просматривал сообщения.

– Так ты, значит, гостей ждешь сегодня?

Кивнуть она не могла, поэтому моргнула.

Мужчина ее понял.

– Это хорошо. Я так понимаю, вы о времени еще не договорились. Смотрю, тебе Лена больше всех пишет.

Она вновь моргнула.

– Значит, сейчас позвонишь этой Лене, скажешь, чтобы приезжали к часу. И попроси не опаздывать. Если скажешь что-то не то, значит, нож будет последним, что ты сможешь видеть. Все понятно?

Ответа он ждать не стал. Ответ и так был ему понятен. Мужчина нажал вызов и поднес трубку ей к лицу. После того как разговор был закончен, он убрал телефон и вновь надел мешок ей на голову. Однако дальше лежать он ей не позволил. Сильные руки обхватили ее перемотанное бинтами тело, поставили вертикально, а затем и вовсе оторвали от пола и куда-то понесли. Несмотря на запрет, она уже собиралась закричать, когда ее ноги вновь коснулись твердой поверхности. Судя по всему, ее поставили на какое-то возвышение.

– Осторожно, не уподи, – подтвердил ее выводы мужчина.

После этого она услышала, как он сам, кряхтя, забрался на что-то невидимое, а затем события стали развиваться с ужасающей скоростью. Да и сами они были ужасающими. Она почувствовала, как на шею ей что-то накинуди, а затем опора под ногами вдруг куда-то исчезла. Петля больно стянула шею, но гораздо сильнее боли был страх. Все ее отчаянно не желающее умирать тело яростно извивалось в воздухе в тщетных попытках найти хоть какую-то опору, а широко распахнутый рот бессмысленно хватал губами воздух, который не мог попасть в легкие.

Неожиданно ноги вновь нащупали что-то твердое, натяжение петли немного спало, и она с трудом смогла сделать хриплый, полный слез и отчаяния вдох.

– Нет, это не пойдет. Слишком толстая, – услышала она голос мужчины и с ужасом поняла, что опоры под ногами вновь больше нет.

На этот раз она беспомощно провисела не дольше двух секунд. Пальцы ног вновь коснулись какой-то поверхности. Однако поверхность эта мало того что была неровной, находилась слишком низко, и стоять теперь она могла только на цыпочках. Руки мужчины коснулись ее шеи и немного ослабили натяжение петли. Теперь она могла нормально дышать, если только слово «нормально» можно было использовать в данной ситуации. Затем она почувствовала, что ее начинают развязывать. Однако прежде чем полностью снять бинты, мужчина защелкнул на ее руках наручники. Она почувствовала, как холодная сталь стиснула запястья.

– Ты бы их видела, – послышался довольный голос, – специально для тебя покупал. Розовые.

Распеленав свою жертву, мужчина бесцеремонно стянул с нее комбинацию. Стыда она не почувствовала. Не все ли равно, есть на тебе одежда или нет, когда на шее у тебя затянута петля. Когда мужчина снимал ночнушку, ему пришлось на мгновение расстегнуть наручники сначала на одной руке, затем на другой, однако он так сильно вывернул ей руки, что она даже не могла попытаться освободиться.

– Ну вот и славно. Красота же получилась?

Она промолчала. Возможно, мужчина ожидал какого-то ответа, а может быть, потому, что уже успел сделать все, что ему было нужно, но мешок с ее головы был снят. Она по-прежнему стояла на цыпочках, задрав голову вверх, насколько это было возможно, и напавшего на нее человека почти не видела.

– Ну все, пока! – попрощался мужчина.

Опора выскользнула у нее из-под ног, ударилась о паркет, немного подпрыгнула и отскочила в сторону. Обнаженное тело несколько раз судорожно дернулось, а затем некоторое время еще раскачивалось в воздухе, прежде чем окончательно замереть...

Ленка, как обычно, не стала дожидаться, пока муж достает из багажника машины упаковки с вином и закуской. Привычным движением она ловко открыла задвижку калитки, стремительно пересекла двор и махом взлетела по ступенькам невысокого крыльца. Когда спустя две минуты ее нагруженный пакетами супруг наконец появился во дворе, он увидел сидящую на качелях Ленку. Держа в одной руке зажженную сигарету, а другой прижимая к уху телефон, она произносила слова, смысл которых он понял не сразу:

– Говорит следователь Кравцова. Только что мною обнаружено тело Шнейдер Марии Анатольевны. Да, повешенной. Да, у нее дома. Пишите адрес и высылайте группу.

Полтора года назад

Натужно завывая сиреной, пожарная машина въехала во двор обувной фабрики. К ней тут же устремились люди, что-то крича и возбужденно размахивая руками. Зачем они это делали, было непонятно, пожарные и так все прекрасно видели. За то недолгое время, которое прошло с момента вызова, огонь успел набрать немалую силу. Из-под крыши склада, пристроенного к основному зданию фабрики, валил дым.

– Здесь становись, раскладываться будем. – Командир расчета угрюмо смотрел на поднимающиеся в небо клубы дыма.

– А чего раскладываться? – хмыкнул водитель. – У нас же воды в баке нет почти.

– Ты мне предлагаешь так в рапорте и написать, – еще больше нахмурился командир, – время прибытия в норме? В норме, ну, значит, раскладываемся, чего сидим? Диспетчер, – связался он с пожарной частью, – здесь все печально, высылайте еще машину, а лучше парочку.

Однако ни прибывшее следом подкрепление, ни появившееся чуть позже руководство пожарной части и города не смогли помешать огню делать то, что он любил и умел. К утру

гигантское четырехэтажное здание фабрики выгорело почти полностью. Сгорело все, что могло сгореть: деревянная конструкция крыши, оборудование, запасы сырья и готовой к отгрузке продукции. Все то, что наполняло жизнью стены здания, было уничтожено. Остались лишь сами толстенные, в три кирпича, стены да бетонные межэтажные перекрытия.

Журбину было плохо. Еще с вечера он наглотался дыма в тщетных попытках докричаться до невозмутимых пожарных, разглядывающих гигантскую струю воды, бьющую из порванного рукава. Позже, махнув рукой и на пожарных, и на сам пожар, он наглотался водки. В два часа ночи, уже выпив целую бутылку, Журбин по пояс высунулся из окна служебной квартиры, расположенной всего в паре сотен метров от места его работы. Здание фабрики было полностью охвачено огнем. Толпа зевак упорно не желала расходиться, так, словно завтра была суббота и никому вскоре не надо было идти на работу. Их можно было понять. Огненное шоу по зрелищности в разы превосходило чахлый салют, ежегодно устраиваемый администрацией на День города. Что-либо сделать было уже невозможно, и Журбин захлопнул окно и лег спать.

К восьми утра он, мучаясь от похмелья и явно подскочившего давления, притащился во двор фабрики, точнее, того, что от нее еще осталось. Постепенно начали собираться и остальные сотрудники, и к девяти двор уже был полон растерянными, не понимающими, что с ними будет дальше, людьми. Не знал этого и Журбин. Ясно было одно: того благополучия, к которому он уже успел привыкнуть, больше не будет. Спокойной, сытой и вальяжной жизни пришел конец – это Журбин знал точно. Не знал он только одного: все произошедшее минувшей ночью – только начало. Начало ожидавших его неприятностей.

14 июня этого года

Жора откинул в сторону одеяло и вскочил с кровати. Солнце, нашедшее небольшую лазейку между неплотно задвинутых штор, освещало узкую полоску пола, пересекающую всю комнату и поднимающуюся вверх по стене. Мясоедов отдернул шторы и зажмурился. Утро явно обещало стать удачным продолжением такого чудесного вечера. Вечера, завершившегося так, как он мог только мечтать. То, что Вика согласилась сходить с ним в кино, а потом еще немного посидеть на одной из летних террас, где так приятно пить вино и разглядывать проходящих мимо людей, не было удивительным. Удивительным было то, что последовало потом.

– Хорошо-то как! – Он приоткрыл дверь на балкон.

В комнату потянул прохладный, еще не успевший нагреться за утро воздух.

– Что за дурная манера стоять голышом перед окном? – услышал он возмущенный голос.

– Я не перед окном, я перед дверью. – Жора широко улыбнулся вышедшей из кухни Вике. – И кто меня здесь увидит на восьмом этаже?

– Мне кажется, что из дома напротив, особенно с десятого этажа, видно все очень даже неплохо. – В одной руке Виктория держала кухонное полотенце, а в другой столовую ложку.

– Конечно, – усмехнулся Жора, – особенно если там сидит какой-то маньяк с биноклем. Или маньячка. Тебе как больше нравится?

Он подскочил к Вике и, не прикладывая заметных усилий, подхватил ее на руки и закружил по комнате. Она несильно стукнула его ложкой по лбу.

– Мне нравится, чтобы ты надел трусы, еще что-нибудь и приходил на кухню. Завтрак уже готов.

– Слушаюсь, мой генерал! – Жора осторожно опустил Крылову на пол. – Немедленно прибуду в ваше распоряжение.

– Поторопитесь, майор, иначе рискуете остаться без яиц. – Вика наконец улыбнулась. – Не делайте такое испуганное лицо. Я говорю про завтрак.

– Ну, если только на завтрак, тогда ладно, – прогудел Жора, озираясь по сторонам в поисках своей одежды.

Расправившись с завтраком, Жора решил выпить еще одну чашечку кофе. Он неторопливо потягивал горячий напиток, причмокивая губами от удовольствия, и разглядывал Викторию, пытающуюся отмыть заросшую жиром сковородку. Как считал сам Жора, кофе благотворно действовал на его мозговую активность и мыслительный процесс. Вот и сейчас с каждым новым глотком он чувствовал нарастающую потребность поделиться с Викторией своей новой идеей.

– Викусичка, – Жора подкрался к Крыловой и легонько укусил ее за ухо, – у нас ведь все хорошо?

– Если ты прекратишь жевать мне ухо, то все будет просто чудесно, – отозвалась Крылова, отставляя в сторону наконец отмытую сковородку.

– Конечно, конечно, – пробормотал Жора, поцеловав ее в шею, – я вот подумал, может, ты ко мне совсем переберешься? А что, – заторопился он, опасаясь возражений, – вдвоем гораздо удобнее. И квартиру ты тогда могла бы не снимать.

Виктория быстро обернулась и оттолкнула от себя Мясоедова:

– «Удобнее»? Интересное слово. Может быть, ты и встречаешься со мной начал, чтобы тебе было удобнее?

– Вика, – опешил Мясоедов, – я, наверное, неправильно выразился.

– Наверное! – перебила его Крылова. – То есть ты даже не уверен, правильно ты выразился или нет. Знаешь, мне кажется, ты выразился правильно. Точнее, ты сказал то, что и хотел сказать, что думал на самом деле.

– Да что я думал? – Мясоедов тоже начал злиться. – Ничего я не думал. Я думал, раз нам хорошо вместе, то и жить вместе – это логично.

– Логично, – фыркнула Крылова, – что ни фраза, то шедевр. Логично и удобно. Что может быть лучше? По-твоему, я должна быть счастлива?

– По-моему, ты могла бы на меня не орать, а спокойно объяснить, что тебе не нравится, – угрюмо отозвался Жора.

– Хорошо, я объясню тебе, что мне не нравится. – Вика вытерла руки и отбросила полотенце в сторону. Оно скользнуло по краю столешницы и упало на пол. – Я уже, конечно, большая девочка и не так романтична, как десять лет назад, когда оканчивала школу. Но тем не менее, если ты это вдруг не заметил, я все равно девочка.

Мясоедов вопросительно поднял брови, за что был тут же вознагражден новыми обвинениями:

– Жора, какой ты все же кретин. Девочка – это не та, которая не спала с мужчинами. Девочка – это та, которая еще верит, что среди них ей встретится порядочный.

– Ясно, – кивнул Жора, – я так в принципе и думал. Только я, значит, непорядочный получаюсь. И в чем моя непорядочность?

– В том, Мясоедов, что ты думаешь только о своем удобстве. Это же так удобно: сводил девушку разок в кино – и вот тебе сразу секс, потом утром проснулся – завтрак готов, пока кофе пил, уже посуда вымыта. А еще я стирать умею, гладить и полы мыть. Ты прав, Жора! Это действительно удобно и логично.

Жора вздохнул и вновь уселся на табуретку.

– Вот насчет секса я тебя не очень понял. Мне казалось, что это было взаимное желание.

– Взаимное, Жора. Мне двадцать восемь лет, и я нормальная женщина. У меня тоже может быть желание. Но это не значит, что я не хочу, чтобы ты за мной ухаживал.

– Ухаживал, – хмыкнул Мясоедов.

– Да, Жора, ухаживал! Это когда дарят цветы, приглашают на свидания, делают какие-то сюрпризы. А какой сюрприз будет у тебя? Ты вынесешь мусорное ведро? Понимаешь, Жора, – Виктория наконец перестала кричать и говорила совсем негромко, словно разговаривала сама с собой, – я хочу встретить человека, который будет добиваться меня. Добиваться не секса со

мной, а меня как женщину, с которой он хочет прожить всю жизнь. А человек, который думает о том, как ему будет со мной удобно, мне не нужен.

Она вышла из кухни в прихожую, оставив Мясоедова сидеть на табуретке. Квартира была совсем небольшая, и ему было прекрасно слышно, как Виктория одевается. Он хотел встать, чтобы проводить ее, но затем решил, что так увеличивает свои шансы выслушать еще порцию неприятных откровений. Хлопнула входная дверь, в квартире стало тихо. Лишь из соседней комнаты негромко доносились попадающие через открытую балконную дверь крики мальчишек, с самого утра гоняющих мяч по двору.

Глава 2

Полтора года назад

– Послушайте, Ольга Вадимовна, – горячился Журбин, – так же нельзя. Вы нас так подставляете.

– Вы сами себя подставили, Игорь. – Финансовый директор производственного объединения Никитина Ольга Вадимовна холодно смотрела на сидящего напротив нее Журбина. – Мало того что вы себя подставили, так еще и жену в это дело впутали. А теперь вы что хотите? Чтобы Белоусов и мне претензии предъявил?

– Но ведь деньги пошли на его же фабрику. Если бы мы не перекрыли крышу, я вообще не представляю, как бы мы работали.

– Если бы вы ничего не придумывали, вы бы прекрасно работали. Дырявая крыша гораздо лучше, чем сгоревшая, – язвительно отреагировала Никитина. – Сколько денег вы получили за аренду пристроя за все время? Миллионов десять, если не ошибаюсь, от силы двенадцать, а убытки от пожара уже за триста перевалили. Триста миллионов, вы понимаете, Игорь? А страховая вообще не горит желанием нам хоть что-то компенсировать, и, судя по всему, мы из них вытрясем максимум миллионов сто. А остальное?

– Это все понятно, но при чем тут я? Если бы пристрой сдавали официально, тогда что, пожар бы не случился?

– Игорь Иванович, – тон Никитиной стал еще более официальным, – разговаривайте о своих проблемах с Белоусовым, пытайтесь с ним договориться. Меня вмешивать в ваши дела не нужно. У меня и так проблем слишком много стало последнее время.

– Но вы же знали, куда идут деньги. – Журбин возмущенно смотрел на Никитину.

– Я знала? – Она негодуя фыркнула. – Ничего я не знала, и если вдруг дело на самом деле дойдет до суда, то я именно так и буду говорить. Вся эта аренда пристроя – это ваша инициатива, и куда вы деньги девали, одному Богу известно. Или кто там у нас за деньги отвечает?

– Ну и тварь же ты!

Журбин так резко поднялся, что Никитина испуганно схватилась за телефон.

– Или вы сейчас же уходите, или я вызываю охрану. – Голос ее испуганно дрогнул.

– Ухожу. Пока ухожу, – мрачно произнес Журбин, – но ты не сомневайся, Оля, еще увидимся.

Сев в машину, он с силой ударил по рулю, но легче от этого не стало. Прошло уже две недели, как фирма, зарегистрированная на его жену, получила иск от обувного холдинга. Холдинг требовал возврата денежных средств, полученных за аренду примыкающего к фабрике здания склада. Того самого, где начался пожар. Но денег ни у Журбина, ни у его жены не было – они были уже давно потрачены. Потрачены на ремонт протекавшей крыши главного здания.

Журбин не был ни бесребреником, ни фанатиком-идеалистом. Ему нравилась его работа, нравилось быть начальником крупного предприятия, человеком, которого в их небольшом городке почти все знали. Ему нравилось быть на хорошем счету у руководства холдинга и у самого собственника предприятия – Николая Белоусова. Вот только с каждым годом это становилось все сложнее и сложнее. Бизнес устроен так, что чем больше становится денег, тем больше их не хватает. Казалось бы, в холдинге появляются новые предприятия, растет число магазинов, товарооборот, а значит, должно становиться больше свободных денег, которых наконец должно хватить на то, что давно собирались сделать, но всегда откладывали. Однако происходит все совсем наоборот. Денег все больше не хватает. Ведь появляются новые

и новые проекты, новые идеи, новые амбиции, на реализацию которых необходимо все больше и больше денежных средств. А это значит, что растет кредитная задолженность перед банками, что каждый месяц надо отдавать все больше миллионов по процентным платежам. Денег не хватает катастрофически. Но раз решено построить или купить новую игрушку, значит, можно попытаться сэкономить на старых. Периодически созванивающиеся директора всех трех входящих в холдинг обувных фабрик соревновались друг с другом в рассказах о том, что и кому было урезано в текущем месяце. Где-то было отменено плановое обновление оборудования, которое, по мнению головного офиса, еще вполне могло протянуть год-другой, где-то убраны запланированные расходы на ремонт фасада. Уже который год подряд на всех предприятиях сотрудникам по три-четыре месяца в году на треть урезалась заработная плата, причем решение об этом приходило из головного офиса, а сообщать о нем персоналу приходилось управляющим фабрик, что конечно же не прибавляло им популярности и народной любви. Однажды Журбин с изумлением узнал, что группа работниц фабрики написала коллективное письмо Белоусову с просьбой разобраться с самоуправством директора, который третий месяц подряд не выплачивает людям полную заработную плату и при этом заставляет вкалывать на все сто.

– Царь добрый, бояре плохие, – усмехнулся Игорь, возвращая письмо работникам. – Отсылайте. Как ответ придет, мне расскажете.

Ответ так и не пришел, а вот Журбину позвонили. Позвонил ему финансовый директор холдинга Валерий Петрович Герасимов, человек решительно убежденный, что в графе издержки напротив всех статей расходов должны стоять одни нули, и искренне расстраивающийся от того, что это никак не случается. Валерий Петрович объяснил Журбину, что с письмом, написанным его работниками, руководство холдинга ознакомлено. Все руководство, подчеркнул Герасимов, очевидно намекая на самого Белоусова. Руководство также каким-то чудесным образом было в курсе, что Игорь ознакомился с письмом еще перед его отправкой, но никак этому не воспрепятствовал.

– Надеюсь, вы понимаете, – монотонно рассуждал Герасимов, – задача руководителя предприятия вести дела так, чтобы решать все возникающие внутри коллектива проблемы непосредственно на месте.

– Прошу прощения, но проблема снижения заработной платы возникла не внутри коллектива, она как бы занесена к нам извне, – иронично отозвался Журбин.

Валерий Петрович несколько секунд помолчал, то ли не зная, как реагировать, то ли удивленный тем, что его осмелились перебить. Наконец он сухо произнес:

– У нас есть еще две точно такие же фабрики, и у них действуют абсолютно те же регламенты выплаты заработной платы. Однако у них таких проблем нет, а если и есть, то директора справляются с их решением. Должен ли я понимать, Игорь Иванович, что вы со своими проблемами справиться не в силах?

– Я справлюсь, Валерий Петрович, – вздохнул Журбин, – я обязательно справлюсь.

Другого варианта ответа у него просто не было. Он это прекрасно знал. Знал это и Герасимов.

– Вот и хорошо, – смягчился финансовый директор, – вы поймите, Игорь Иванович, собственнику выгоднее платить высокую заработную плату одному директору, который будет на месте решать все проблемы, укладываясь в отведенный бюджет, а не раздувать этот самый бюджет до бесконечности. Вас же устраивают условия вашего контракта?

– Устраивают, – угрюмо согласился Журбин.

– Ну вот и замечательно, – Герасимов совсем повеселел, – тогда успехов вам, Игорь Иванович, у вас обязательно все получится. – Причмокнув губами так, словно поцеловал трубку, Герасимов вдруг добавил: – Мы все в вас верим, – и захихикал.

На этом разговор и прервался. Журбин держал в руках замолчавший телефон, а в ушах у него все еще раздавалось неприятное, дребезжащее хихиканье, в котором было больше насмешки, чем веселья.

Но недовольство сотрудников было хотя и серьезной, но не самой важной проблемой для Журбина. Как говорил сам Игорь, печально усмехаясь, у него текла крыша. Причем капитально.

На самом деле крыша капитально текла на главном фабричном здании. Здание это было построено более чем полвека назад, и, надо признаться, построено на совесть. Толстые железобетонные перекрытия и колонны, почти метровой толщины кирпичные стены. Как утверждали сами ветераны фабрики, особенно после того, как успевали принять на грудь в день полочки, строили так для того, чтобы в случае начала третьей мировой войны работники могли не отрываться от производства во время ракетного удара. Ахиллесовой пятой всей этой монументальной конструкции была крыша. Обычная двускатная крыша с многочисленными слуховыми окнами, в советское время она была покрыта шифером, который за долгие годы пришел в полную негодность. В свое время, почти сразу после покупки здания, Белоусов даже лично поднимался на самый верх, чтобы понять насколько ситуация плачевна. В результате им было принято решение крышу перекрыть. И крышу действительно перекрыли. Теперь кровля стала металлической. Листы оцинковки радостно блестели на солнце, и наступившая весна впервые за долгие годы прошла без протечек, о чем и было доложено собственнику предприятия.

Однако появилась совсем другая проблема, которую никто не ожидал. Проблема эта возникла в середине марта, когда начало пригревать весеннее солнце, а Журбин вместе с женой только улетел на две недели в Таиланд, где солнце грело еще сильнее. Накопившийся за зиму тяжелый подтаявший снег лихо съезжал по гладкой оцинкованной поверхности и, пролетев около двадцати метров, с грохотом обрушивался прямо на тротуар. Установленные по периметру снегоудержатели лишь на время могли сдерживать накопившуюся снежную массу, а затем она переваливалась через металлическое ограждение и устремлялась вниз. Чудом обошлось без жертв. Главный инженер фабрики, заодно выполняющий обязанности заместителя Журбина по хозяйственной части, Шиша-нов в ту ночь плохо спал, а на утро следующего дня пешеходное движение перед главным фасадом, выходящим на одну из оживленных улиц, было перекрыто. Десяток рабочих-гастарбайтеров был спешно отправлен на крышу счищать снег. Шишанов с детства боялся высоты, а скользких заснеженных крыш он боялся тем более, поэтому сам подниматься наверх не стал, объяснив боевую задачу во дворе фабрики. Свою задачу работяги выполнили, весь снег с крыши был полностью счищен. Работу осложняло то, что таявший днем снег за ночь подмерз и превратился в ледяную корку, покрывавшую всю кровлю словно скорлупа. Металлические лопаты с трудом брали эту корку. Выручало лишь то, что сообразительные южане подняли на крышу еще и несколько ломов. С ними дело пошло быстрее.

В тот год весна выдалась на удивление солнечная и сухая. Снег больше не падал на тротуар, и все были весьма довольны и собой и новой крышей. Больше всех был доволен Шишанов. Все это благополучие рухнуло в прекрасный день, точнее, ночь, когда первый майский гром гулко раскатился над городом, а затем забарабанил крупными тяжелыми каплями настоящей весенней грозы.

Грозу в начале мая, да, впрочем, и в любое другое время года, любят только поэты, ибо гроза позволяет им оправдать свое постоянное ничегонеделание и сидение у окна. Остальные нормальные люди вынуждены тащиться на работу по пузырящимся лужам, прикрываясь почти бесполезным зонтом и в страхе приседая с каждым новым ударом молнии. Владельцы автомобилей в ужасе гадают, стоит ли выводить своего железного коня на прогулку, ведь если отправиться своим ходом, то промокнешь насквозь, а если поедешь на машине, наверняка попадешь под град. В общем, гроза – это отнюдь не лучшее, хотя, несомненно, величественное явление

природы. Примерно так, возможно, думал сам Журбин, глядя на потоки воды, стекающие на пол четвертого этажа с чердака фабрики. Вслух он этого говорить не стал. Вслух он говорил слова более краткие, емкие и доходчивые до сознания Шишанова, но так как они постоянно заглушались очередными раскатами грома, то слова эти мог слышать только сам Шишанов да еще несколько стоящих поблизости работников фабрики.

Дыры в металле залили битумом, что позволило кое-как пережить лето, но следующей весной потекло еще сильнее. Два года Журбин выкручивался как мог, латая дырявую кровлю. Денег на капитальный ремонт того, что совсем недавно отремонтировали, просить он не мог. Белоусов был человек вспыльчивый, и риск потерять хорошую работу был слишком велик.

На помощь пришел случай. В один из хмурых ноябрьских дней, когда небо щедро делилось с землей ледяной водой, Журбин пил кофе, сидя в своем кабинете и уставившись в окно. Он думал. Думал о том, сменится ли к вечеру холодный дождь снегом и будет ли утром на дорогах наледь. Яндекс уверял, что снега не будет и температура ночью задержится у нулевой отметки, но айфон в своем почасовом прогнозе погоды обещал к утру снег и минус три. В принципе Журбин довольно спокойно относился к капризам погоды, однако он до сих пор не сменил резину на зимнюю, и теперь возможный утренний гололед его немного беспокоил. Конечно, можно было уехать с работы прямо сейчас, взять зимнюю резину и отправиться на шиномонтаж, но в такой дождь лишний раз выходить на улицу не хотелось, а ведь пришлось бы где-то переждать, пока ему будут переставлять колеса. Такими процедурами лучше заниматься в погожий день. Например, послезавтра.

Внутренний телефон издал негромкую трель. Журбин поднял трубку.

– Игорь Иванович, – услышал он голос секретаря, – к вам посетитель. Михеев Андрей Эдуардович.

– Зови, конечно, зови, – мгновенно отреагировал Журбин, – и, Катюша, сделай сразу кофе для гостя.

– Мне без сахара и с коньяком. – Гость, появившийся в дверном проеме, чувствовал себя весьма уверенно.

Андрей Эдуардович Михеев был одним из крупнейших предпринимателей Задольска. Как и многие, он начинал с торговли одеждой, привезенной из Китая или Турции. Стартовав с нескольких точек на местном вещевом рынке, под который был переделан недостроенный домостроительный комбинат, он смог создать обширную торговую сеть, далеко шагнувшую не только за пределы района, но и всей Владимирской области. Последние несколько лет Михеев активно начал развивать свое собственное производство. В созданных им цехах выпускалась самая разнообразная одежда, начиная от джинсов и футболок, заканчивая зимними куртками. По заказу Михеева было разработано несколько брендов, которые он успешно запатентовал. Венцом всех трудов Андрея Эдуардовича должна была стать новая фабрика, площадью около двадцати тысяч квадратных метров, которая строилась в пригороде Задольска.

Как это часто бывает, стройка пошла не по тому графику, что был изначально намечен. Приглашенные Михеевым столичные подрядчики отличались от местных лишь более пренебрежительным отношением к заказчику и хорошим умением объяснять ему, почему денег тратится почти вдвое больше, чем было заложено в первоначальные сметы.

– А что вы хотите, Андрей Эдуардович! – восклицал изредка приезжающий из столицы руководитель подрядной фирмы. – Кто вам эти расчеты делал? Местные умельцы? Ну так что от них можно было ожидать, они же не понимают нашу специфику.

В чем конкретно состоит специфика именно их организации, руководитель не объяснял, отделиваясь общими фразами и стремительно исчезая на своем «мерседесе» сразу после того, как был согласован следующий транш платежей.

В итоге Михеев устал. Не имея до этого опыта ведения большого строительства, он тем не менее был человеком, умеющим решать проблемы своего бизнеса. Поэтому он расторг

договор со столичным подрядчиком, нанял местную фирму и сам фактически поселился на стройке. Однако теплое время года было упущено, а вести зимой бетонные работы не представлялось возможным. Стройку пришлось фактически заморозить до весны. Это само по себе было неприятно, но неприятность усиливалась тем, что в свое время оптимистично настроенный Михеев заказал дорогостоящее новое оборудование, которое, как это ни странно, пришло точно в срок.

– Понимаешь, у тебя помещение идеальное, я знаю, я уже смотрел. Полы ровные, хороший свет, вентиляция. Мы со стройкой, будь она неладна, встряли капитально, дай бог, если к следующему Новому году сможем расставаться. А зачем мне год терять? Пристрой у тебя почти пустует, из трех тысяч квадратов ты от силы тысячу занимаешь. Если мозги напряжешь немного, то сможешь в основном здании уплотниться, а я пристрой у тебя полностью заберу на год минимум.

– Триста рублей квадрат, платежи за месяц вперед, – машинально отозвался Журбин.

– Значит, примерно миллион в месяц. Хорошо, – не стал торговаться Михеев, – вот визитка, скинь мне завтра проект договора. Если там все нормально, до конца недели сделаем первый платеж. Кстати, сколько тебе времени нужно, чтобы освободить помещение? Недели хватит? У меня оборудование вот-вот под разгрузку встанет.

– Недели две точно надо, – задумчиво протянул Журбин, – но мы постараемся за неделю уложиться. Мне от вас нужны планируемые мощности по оборудованию, чтобы инженер посмотрел.

– Постарайтесь, – подмигнул Журбин, – если в две смены работать, точно управитесь, а если в три, так и быстрее все выйдет. Мощности завтра тебе скину. Либо пришлю технолога, пусть он с твоим человеком походит, по месту все присмотрит.

Они пожали друг другу руки.

Когда Михеев ушел, Журбин еще долго сидел в одиночестве, раздумывая, как ему поступить. В конце концов, так ничего и не решив, он набрал номер главного бухгалтера производственного подразделения, которая курировала финансовые вопросы всех трех принадлежащих Белоусову фабрик. Идея Журбина особого восторга у Никитиной не вызвала. Будучи, как все бухгалтеры, человеком осторожным, она опасалась возможных последствий в случае, если информация дойдет до Белоусова.

Однако Журбин смог переубедить ее:

– Составим смету на ремонт, все затраты тоже задокументируем. Будет понятно, что все деньги потрачены на ремонт здания. У нас ведь этих доходов в планах не было. Нам на ремонт миллионов десять – двенадцать, я думаю, хватит.

– Ох, Игорь, не нравится мне вся эта затея.

– Вы поймите, Ольга Вадимовна, на четвертом этаже скоро работать будет совсем невозможно. Надо крышу перекрывать. А что я Белоусову скажу? Дайте денег? Так он меня в порошок сотрет и с работы выкинет.

– Вот если он узнает, что деньги за аренду пошли не на счет его предприятия, тогда точно выкинет, – фыркнула Никитина.

– А узнает он откуда? – ласково спросил Журбин. – Финансовый контроль ведь на вас замкнут.

– Надо мной вообще-то еще Герасимов есть, – все еще не поддавалась Никитина.

– Герасимов? Он такой ерундой разве будет интересоваться? Для него десять миллионов – это вообще не деньги. Они и для нашей фабрики не бог весть какие деньги. Но здесь же дело принципа, на повторный ремонт денег не выделят.

– Ну хорошо, – вздохнула Ольга Вадимовна, – попробуйте. Когда смета на ремонт будет готова, пришлите мне, я проверю.

– Вы золото, – восхитился Игорь, – золото, а не женщина.

– Да бросьте, – рассмеялась Никитина, – я лучше еще женщиной побуду. Женщиной в золоте.

– Намек понял, – отозвался Журбин, – целую ваши ручки, – и положил трубку.

Кто мог представить, что столь незамысловатая комбинация будет иметь столь непредсказуемые последствия.

На следующий день на фабрику прибыл представитель Михеева. Журбин предоставил Шишанова на весь день в полное распоряжение технолога. Однако главный инженер вновь появился в его кабинете уже спустя полтора часа.

– Мы все осмотрели, помещения им идеально подходят, – доложил Шишанов, – у нас даже разводка электричества на две трети соответствует их технологической схеме.

– А общее потребление мы потянем? – уточнил Журбин, оторвавшись от монитора.

– Потянем, почему нет? – улыбнулся Шишанов. – Мне их технолог примерную цифру назвал, – вводной кабель на пристрой выдержит. При установке оборудования еще раз пройдемся, сверим и, если по факту будет превышение, заведем туда еще один дополнительный кабель. Там не так много тянуть от подстанции, метров сто, не больше. Хотя, конечно, нагрузки у них серьезные, я ожидал меньше.

– А что ты думал, Михеев идет в ногу со временем, – вздохнул Игорь, – он мне кое-что в каталогах показывал из купленного оборудования, так я даже не знал, что такое существует, хотя, казалось бы, у нас близкий к ним профиль. Ладно, я тебя понял. Не забудь перед подключением оборудования все еще раз проверить.

– Обязательно, шеф, – усмехнулся Шишанов.

Шишанов не обманул и спустя две недели еще раз все пересчитал. По его вычислениям выходило, что сечения кабеля немного не хватало для того, чтобы длительное время выдерживать нагрузку всего установленного оборудования. Однако нехватка эта не была критичной, да и оборудование вряд ли может все одновременно работать, рассудил инженер. Опасности он не видел и поэтому доложил Журбину, что все в норме. На всякий случай он несколько раз делал замеры, которые показали, что он был прав. Кабель немного нагревался к концу смены, но нагрев этот был совсем незначительным.

Следующие девять месяцев необычайно радовали Журбина. Десятого числа каждого месяца, а иногда и на день-два раньше на счет фирмы, зарегистрированной на имя его жены, поступал миллион рублей. В июле, когда таких платежей было уже восемь, начался ремонт кровли основного здания. К октябрю работы были закончены. Журбин оставался должен подрядчикам еще около двух миллионов рублей, но договорился с ними на небольшую отсрочку, обещая закрыть остаток из предстоящих платежей Михеева.

Лето, выдавшееся в тот год исключительно жарким и засушливым, принесло Журбину еще один приятный сюрприз. Августовским субботним утром Игорь, проснувшийся раньше жены, сидел на веранде их небольшого загородного дома, доставшегося ему еще от родителей. Утро субботы, как считал Журбин, это лучшее время за всю неделю. Впереди целых два выходных дня, когда можно никуда не спешить. Кроме того, оно выгодно отличается от середины той же субботы тем, что все соседи еще спят. Не слышно воя газонокосилок, рева бензопил или вырывающегося из могучих колонок, установленных в чьем-нибудь дворе, хитов восьмидесятых годов. Сам Игорь не любил громкую музыку, а уж шлягеры тридцатилетней давности и вовсе не переносил, однако бороться с соседями не пытался, ибо считал, что взрослые люди не поддаются исправлению так же, как не поддаются восстановлению нервные клетки.

В начале восьмого его нервные клетки наслаждались соловьиными трелями, доносящимися из примыкавшей к участку Журбиных березовой рощи, а также запахом только что сваренного кофе.

Татьяна вышла из дома босиком и неслышно подошла к мужу. Она молча обняла его за голову и поцеловала в затылок. Игорь уткнулся лицом жене под грудь и ощутил, как бьется

ее сердце. Он поднял голову и улыбнулся Татьяне. Жена, тоже улыбаясь, протянула ему узкую белую полоску. Как выглядит тест на беременность, Игорь знал прекрасно, как это знает любой уже восемь лет женатый мужчина, который никак не может дождаться рождения ребенка. Правда, последний раз он видел тест так близко лет пять назад. Тогда, увидев две тонкие розовые полоски, одна из которых была еле заметна, он еще уточнил у жены:

– А это точно?

– Точно, – встряхнула волосами Татьяна, – тест может иногда не показать то, что есть, но того, что нет, он точно не показывает.

И тогда он заорал. Он орал и прыгал вокруг жены, словно дикарь, впервые самостоятельно добывший огонь и теперь оповещавший своими воплями весь мир о том, что отныне именно он царь зверей.

Но счастье их было совсем недолгим. Спустя два месяца обследование показало, что развитие плода остановилось. Татьяна была вынуждена лечь в больницу, а вернувшись, она долго ни с кем не хотела разговаривать, даже с Игорем. А может быть, особенно с ним. На все его попытки поговорить с ней или хотя бы обнять она отвечала молчанием, а затем, освободившись от его рук, уходила в другую комнату и там, у окна, долго стояла неподвижно и плакала. Жена всегда плакала тихо, не в голос, со спины можно было только заметить чуть подрагивающие плечи. Лицо, залитое слезами, Татьяна мужу никогда не показывала. Наплакавшись и немного придя в себя, она уходила в ванную комнату, где приводила себя в порядок, а затем все так же молча шла на кухню, где как ни в чем не бывало принималась за готовку, и только покрасневшие глаза выдавали ее подлинное состояние.

Постепенно, очень медленно их семейная жизнь вошла в привычную колею. Татьяна начала улыбаться, общаться с мужем и немногочисленными друзьями. Но тесты на беременность она больше мужу не показывала, хотя Игорь несколько раз замечал в мусорном ведре выброшенную упаковку.

И вот сейчас его жена, его Танюшка, молча стояла рядом и протягивала ему такой знакомый тонкий кусочек бумаги. Он мог бы не брать его в руки и не смотреть на него, он и так уже понимал, что там увидит. Игорь протянул руку и взял тест. Две тоненькие линии неожиданно стали расплывчатыми и слились в одну. Он провел по лицу рукой и с изумлением понял, что ладонь стала мокрой. Он плакал. Плакал от счастья. Игорь повернулся к стоящей рядом жене и уткнулся лицом ей в живот. Она нежно гладила его по затылку и ласково повторяла:

– Мой маленький, все хорошо. Все хорошо, мой маленький.

На смену лету пришла осень. Работы, которой всегда было немало, стало еще больше. За последний год Белоусов настолько нарастил торговую сеть, что работавшие в две смены фабрики еле успевали отгружать продукцию к зимнему сезону. Неплохо шли дела и у Михеева. Сказать, что они идут хорошо, ему, как и год назад, не позволяло затянувшееся строительство. Сама стройка была почти уже закончена, однако возникли непредвиденные проблемы с подведением электрических линий. Привыкший быстро решать все возникающие проблемы Михеев самолично отправился в областные электросети, где присланный из Москвы руководитель заставил его почти час прождать на проходной, а затем еще столько же в приемной. К началу разговора не привыкший к подобному обращению Михеев был уже в ярости. К концу разговора, который наступил на удивление быстро, стороны уже ненавидели друг друга взаимно, причем одна из сторон была еще и облита кофе. Оставив мокрого директора Облэнерго на попечение причитающей секретарши, Михеев выскочил из кабинета, на прощание так шарахнув дверью, что без слов было ясно, возвращаться сюда он не намерен. Вопрос с подключением к энергосетям завис и на целых два месяца затормозил сдачу готового объекта до тех пор, пока в спор высоких сторон не вмешался губернатор.

Не желавший терять время Андрей Эдуардович завез на свое временное производство дополнительное оборудование, наконец полученное им из Кореи. Особого экономического смысла в этом не было. Он был уверен, что сразу после Нового года сможет наконец начать расставлять оборудование на новом предприятии, но неумной натуре Михеева претило само слово «простой». К тому же все хлопоты по переездам ложились на плечи его подчиненных, ему оставалось лишь требовать с них результата. А требовать – это было любимым делом Андрея Эдуардовича. Так что новое оборудование было успешно установлено и выпускало продукцию почти круглосуточно.

Сам Журбин с утра до позднего вечера пропадал на фабрике, где кроме основной работы на него лег и контроль за ремонтом кровли. Наученный горьким опытом, Игорь больше не полагался на Шишанова. С каждым днем темнело все раньше. Сначала Журбин приезжал домой почти сразу после того, как солнце касалось вершин растущих возле дома берез, потом чуть позже заката, а еще через некоторое время у ворот дома его встречали темнота и ползущая из леса холодная сырость. И хотя первые ночные заморозки убили растущие на участке вдоль дорожек бархотки, счастье, переполнявшее Журбина, только набирало цвет. Оно росло одновременно с тем еще не родившимся комочком жизни, который до поры до времени прятался в животе его любимой жены.

В тот вечер Журбин вернулся домой чуть раньше обычного. Загнав машину в гараж, он вышел во двор и направился по дорожке к дому, расположенному в глубине участка. В окнах первого этажа горел свет, но Татьяну видно не было, скорее всего, она находилась на кухне. В кармане завибрировал уже переведенный на беззвучный режим мобильник. Журбин достал телефон. Звонили с поста охраны фабрики.

– Пожар, Игорь Иванович, горим, – услышал Журбин встревоженный голос.

– Сильно горим? – спросил он в надежде, что произошло что-то незначительное.

– Сильно, Игорь Иванович, огонь на крышу пристроя ушел, – отозвался охранник и добавил: – Пожарных уже вызвали.

– Еду.

Журбин сунул телефон в карман и зашагал обратно в сторону гаража. В дом он заходить не стал.

Въезд во внутренний двор фабрики был перекрыт полицией. Бросив машину в ближайшем дворе, Журбин прошел на территорию. Взглянув на дымящуюся кровлю здания, он вздохнул с облегчением. Из-под крыши валил светло-серый дым, который поднимался только с одной стороны пристроя. Казалось, что большого труда справиться с огнем не составит.

– Загорелось где-то на стене, под сайдингом, – начал объяснять появившийся из толпы Шишанов. – Сайдинг пластиковый, вот огонь по стене и пошел. А там кондиционеры висят. Похоже, что фреон в них вспыхнул и огонь рванул вверх, под кровлю. Сейчас, я думаю, обрешетка прогорает. Если они, – он махнул рукой на пожарных, – в чердак зайдут, то изнутри без проблем пламя собьют.

– А дышать там чем? – Журбин смотрел на неторопливо перемещающихся по двору пожарных.

– Так у них же костюмы должны быть жаростойкие, – неуверенно протянул Шишанов, – и баллоны с кислородом.

– Может, и должны, – пожал плечами Журбин, – пока похоже, что у них даже воды нет.

– Воды нет, – согласился Шишанов, – в гидрантах нет напора, водоканал не дает.

– Ясно, – Игорь не знал, что надо делать, и чувство беспомощности его злило, – а что там в стене было? От чего могло загореться?

Шишанов молчал, уставившись на дымящуюся крышу здания.

– Ау! Ты меня слышишь? – толкнул его Журбин. – Что могло загореться?

– Иваныч, там, похоже, кабель перегрелся, – предпочитая не смотреть на шефа, наконец ответил Шишанов.

– Кабель? – подпрыгнул на месте Журбин. – Ты же говорил, что все проверял!

– Проверял, – виновато согласился Шишанов, – но они же еще оборудование завезли. И работают почти в три смены. Вот и пошел перегрев.

Журбин почувствовал, как ноги наливаются тяжестью, а голова начинает все быстрее кружиться. Он присел на корточки и оперся одной рукой об асфальт.

– Иваныч, ты что? Тебе плохо? – засуетился Шишанов.

– Леша, уйди от меня, уйди Христа ради! – выкрикнул Игорь.

Он зажмурился, а когда вновь открыл глаза, Шишанова рядом не было. Пожарные, взобравшись на крышу пристроя по нескольким выдвижным лестницам, с грохотом рубили железную кровлю.

– Господи, что же эти идиоты делают? – пробормотал Журбин.

Не успели пожарные прорубить отверстие в кровле, как огонь, получивший кислород, которого так ему не хватало, вспыхнул с такой силой, что языки пламени взметнулись высоко вверх. Не ожидавшие подобного огнеборцы кинулись врассыпную, при этом один из них чуть не рухнул в образовавшийся провал. Пламя становилось все мощнее, оно жадно лизало стену основного здания, пока наконец одним из своих многочисленных языков не дотянулось до свежеперекрытой кровли.

– Это конец.

Журбин встал и, пошатываясь, отошел в сторону, подальше от горящего здания. В кармане завибрировал телефон. Звонила Татьяна. Журбин хотел ответить, но в этот момент к нему подошел человек в форме с погонами майора.

– Игорь Иванович? – Майор доброжелательно улыбнулся.

– Это я, – кивнул Журбин, понимая, что ласковая улыбка вряд ли сулит ему что-то хорошее.

– Инспектор пожарного надзора майор Гранин. Я буду вести дело по факту пожара. Вы что-то можете сказать о причине его возникновения?

– Пока нет, – настороженно ответил Журбин.

– В Интернете появилось много фотографий начала пожара. – Майор показал Игорю мобильник. – На снимках видно, что загорелась стена прямо под кондиционерами. Что это может быть?

Журбин непонимающе посмотрел на майора и пожал плечами:

– Откуда я могу знать, вы же здесь раньше меня, наверное, оказались, вы лучше все знаете.

– Ясно, – кивнул майор и еще раз улыбнулся. – Мы с вами тогда попозже пообщаемся, когда это все, – он обвел взглядом полыхающие здания, – закончится.

– Вы лучше со своими коллегами пообщайтесь, – зло сплюнул Журбин, – они же не тушат. Зачем они крышу вскрывали, если у них напора воды нет? Они же все уничтожили!

Майор сделал осторожный шаг назад.

– У них есть свой командир, он определяет порядок тушения. Если вы считаете, что они действуют неправильно, то имеете право обратиться в прокуратуру.

Журбин обреченно махнул рукой и отвернулся. Говорить было не о чем. Говорить уже было поздно. К утру фабрика выгорела полностью. Но для Журбина неприятности только начались. Спустя две недели после пожара было получено заключение пожарного надзора о том, что возгорание произошло по причине несоответствия вводного кабеля подключенным мощностям, а также наличия горючих материалов фасада здания в непосредственной близости от силового кабеля.

Страховая компания, получив заключение, отказалась выплачивать компенсацию обувному холдингу, и разъяренный Белоусов лично прибыл в Задольск, чтобы на месте разобраться, что именно произошло.

Он долго бродил среди пепелища. Потери были огромны. Предстоящий ремонт здания только по приблизительным оценкам мог потянуть на сотни миллионов рублей, и это не считая стоимости нового оборудования, которое теперь предстояло купить. Все заказы были в срочном порядке переведены на две оставшиеся фабрики, которые начали работать в круглосуточном режиме, но все равно не успевали.

Журбин и еще несколько сопровождающих неотступно следовали за владельцем холдинга. Вернувшись наконец во двор, Белоусов взглянул на свои измазанные в саже ботинки и чертыхнулся, словно их вид расстроил его больше, чем сгоревшее здание.

– Я читал заключение пожарных, – он поманил к себе Игоря, – не пойму, чего там у вас с кабелем вышло?

– Так сайдингом еще семь лет назад здание обшили, еще до меня, – попытался оправдаться Журбин.

– Сайдинг ладно, не в нем дело, – поморщился Белоусов, – почему кабель воспламенился, что за нагрузка на нем была? У тебя ведь это здание полупустое стояло, я помню.

– Так мы его Михееву сдали, под обувное производство.

Журбин чувствовал, как с каждым словом у его ног раскрывается бездонная пропасть, и остается сделать совсем небольшой шаг, чтобы провалиться в нее.

– Михееву, значит... – Белоусов задумчиво потер подбородок. – Чего же он там, засранец, наподключал такого, что кабель не выдержал?

Журбин счел за лучшее промолчать.

– Вот что, – продолжил Николай Анатольевич, – в юридическую службу мне скинешь договор по аренде с Михеевым, у меня там девочки умные сидят, они посмотрят, может, мы сможем ему какие-то претензии предъявить.

– Так ведь, наверное, сгорело все, – выдавил из себя Игорь.

– Да ладно, в бухгалтерии дверь железная, должно было уцелеть, – возразил Белоусов, – да и если сгорело, у Михеева копию договора запросишь. Он ведь не здесь договор хранил, я так думаю, в головном офисе.

– Я понял, пришлю.

Игорь почувствовал, что шаг в пропасть уже сделан и выбраться из нее вряд ли возможно.

Вернувшись домой, он поцеловал жену, ласково погладил ее округлившийся животик и, отказавшись от ужина, вышел во двор. Было темно и достаточно холодно. Побродив несколько минут по выложенным плиткой дорожкам, Игорь понял, что придумать внятное объяснение для Белоусова вряд ли получится. В кабинете бухгалтерии, где хранилась касса и велась основная документация, действительно стояла прочная железная дверь, и все документы остались целы, только сильно вымокли от воды, которой нещадно проливали пылающие чердачные балки. А вот кабинету Журбина повезло гораздо меньше. Огонь, спустившийся с чердака по техническим проемам, выжег сначала деревянную дверь в приемную, а затем легко расправился с тонкой преградой, закрывающей путь в директорский кабинет. Когда Журбин смог попасть к себе на следующий день после пожара, он увидел лишь обгоревшие остатки мебели да кучи пепла там, где хранились документы. В том числе документы, подтверждающие расходование средств на ремонт крыши главного здания. Почувствовав, что совсем замерз, Журбин вернулся в дом, выпил рюмку водки и сел ужинать.

Спустя неделю после приезда Белоусова Журбин подал заявление на увольнение. К его удивлению, расчет он получил полностью, включая накопившиеся отпускные. Несколько дней он отсыпался дома в тщетной надежде, что для него вся эта история с пожаром наконец закончилась. Однако на пятый день отдыха ему позвонил начальник службы безопасности холдинга

Герман Гуревич и пригласил на встречу во Владимир, подчеркнув, что в интересах Журбина от встречи не уклоняться. Когда Игорь приехал, в кабинете начальника службы безопасности кроме самого Гуревича находились еще финансовый директор холдинга Герасимов и Никитина. Разговор с самого начала не заладился. Гуревич, работавший когда-то в полиции, вел себя агрессивно, Герасимов и Никитина долгое время только слушали. По лицу Никитиной было件нятно, что она с радостью бы покинула их общество, но такой возможности у нее не было.

– Ну хорошо, Игорь Иванович, – словно нехотя вступил в разговор Герасимов, – вы утверждаете, что потратили все полученные от предприятия Михеева средства на капитальный ремонт. Может быть, это и так, – он похлопал по руке уже собирающегося что-то возразить Гуревича, – хотя даже если это так, то все равно налицо факт, что деньги от Михеева вы получали незаконно и тратили их по своему собственному усмотрению, а не по распоряжению своего работодателя.

– Но в его интересах, – подчеркнул Журбин.

– Возможно, молодой человек, – кивнул Михеев, – возможно. Но в таком случае хотелось бы видеть документы, подтверждающие ваши слова. Вы свои расходы можете подтвердить документально?

– Нет, не могу, – признался Журбин, – все документы были в моем кабинете и сгорели во время пожара.

– Чего и следовало ожидать, – фыркнул Гуревич.

Журбин проигнорировал его и продолжил:

– Но была смета, и я утверждал ее у Ольги Вадимовны.

– Вот только не надо меня вмешивать в ваши дела, – Никитина покраснела от возмущения, – я была уверена, что это предварительные расчеты, с которыми вы хотите пойти к Николаю Анатольевичу. Все, что я могла сделать, это со своей стороны поддержать вас. А то, что вы провернули с Михеевым, у меня даже в голове не укладывается.

Ошеломленный Журбин не знал, что возразить. Доказать, что Никитина лжет, он не мог, еще хуже было то, что он не мог доказать, что сам говорит правду.

– Но ведь все видели, что крышу чинили, – растерянно пробормотал он, обращаясь к Герасимову.

– Все видели, что какие-то работы велись, – возразил Валерий Петрович, – но в каких объемах, этого не может сказать никто, а теперь, после пожара, это даже невозможно установить комиссионно. Все очень печально, молодой человек. Мне кажется, все гораздо хуже, чем вы себе это представляете.

– Так, может быть, вы мне это разъясните? – потребовал Игорь.

– А я сейчас разъясню, – подался вперед Гуревич, – я сейчас все тебе разъясню. Шеф по всей этой истории настроен очень негативно. Подтверждающих документов у тебя никаких нет. Факт присвоения денег налицо. Это статья, дружок. Ты понимаешь?

– Какая статья? – вскинулся Игорь.

– Сто пятьдесят девятая, – отчеканил Гуревич, – мошенничество, да к тому же в особо крупных размерах. Лет пять вполне можешь схлопотать, дружок.

– Я тебе не дружок.

Журбин медленно поднялся, сжимая кулаки. Гуревич тоже вскочил на ноги. Он был тяжелее Игоря килограммов на десять и явно был не прочь немного размяться.

– Господа, – вклинилась между ними Никитина, – пожалуйста, без крайностей. Все поговорили, высказали друг другу свою точку зрения. Давайте сейчас все разойдемся, а через пару дней, если Игорю Ивановичу будет что сказать, мы продолжим наше общение.

– Замечательное предложение, Олечка, – промурлыкал Василий Петрович, – что бы мы, мужчины, без женщин делали? Уже бы давно все перебили друг друга. – Он повернулся к

Игорю: – Всего доброго, молодой человек. Но Ольга права, за ближайшие дни вам надо как-то обосновать свои действия. А иначе, – он щелкнул пальцами, – иначе эти разбирательства будут проходить уже в других кабинетах и, как сказал Герман, последствия могут быть для вас очень печальны. Так что до встречи, молодой человек.

Руку Игорю он протягивать не стал, ограничившись лишь кивком. Журбин кивнул в ответ и быстро вышел из кабинета. Когда он вернулся домой, то сразу почувствовал запах жареной картошки с грибами. Татьяна чем-то гремела на кухне и не слышала, как он отпирал дверь. Игорь прошел в ванную комнату, вымыл руки и сполоснул лицо холодной водой. Перед тем как насухо вытереться полотенцем, он некоторое время смотрел на свое отражение в зеркале. Говорят, что переживания отражаются на лице человека, но Игорь не заметил каких-либо изменений в своей внешности. Обычный сорокалетний мужчина. Немного уставший, немного полысевший, с начинающими седеть висками. Но если стричься покороче, то седина не будет бросаться в глаза. Да и мешков под глазами нет. Игорь удовлетворенно коснулся рукой своей щеки и неожиданно для себя самого негромко пропел:

– Ты добычи не дождешься, черный ворон, я не твой...

После чего снял с крючка полотенце и тщательно вытер лицо и руки.

Как оказалось, к картошке прилагалось еще и запеченное мясо, запах которого распространился по всему дому, как только Татьяна приоткрыла духовку. К аромату самой свинины пришивались еще и запахи приправ, которые весело щекотали нос и пробуждали и без того почти не спавший аппетит.

– У меня не жена, у меня чудо-женщина! – воскликнул Игорь, обнимая Татьяну.

Та прижалась к мужу.

– Ты как раз вовремя. Мы уже по тебе соскучились.

Игорь погладил выпирающий из тонкого свитера животик, а затем наклонился и поцеловал его.

– Папка тоже по вас скучал. Кормите скорее своего папку, а то он вас самих сейчас съест.

Татьяна рассмеялась и, повернувшись к плите, начала раскладывать ужин по тарелкам. Журбин открыл холодильник и достал из него начатую бутылку водки.

Татьяна бросила на него недовольный взгляд:

– Ты не слишком зачистил? Нам нужен папка нормальный.

– Я чуть-чуть, – Журбин виновато улыбнулся, – устал с дороги. Буквально пару рюмочек.

– Ну хорошо, – согласилась Татьяна, – только пару, а то если ты больше пьешь, то пахнет сильно. Ночью в спальне дышать нечем. А нам нужен кислород. – Она улыбаясь провела рукой по животу. – Как, кстати, твоя поездка, все нормально?

– Да вроде бы, – не стал вдаваться в подробности Игорь, – поговорили, пошумели, разошлись.

– Все будет хорошо, верно? – Жена поцеловала его в губы.

– Может, не так хорошо, как раньше, но то, что хорошо, это непременно, – уверенно ответил он.

Через два дня Журбин позвонил Герасимову и сообщил, что у него нет никаких новых документов, подтверждающих расходование полученных от Михеева двенадцати миллионов.

С той же интонацией, что и во время недавней встречи, Валерий Петрович произнес, немного растягивая слова:

– Печально, молодой человек, очень печально. Я думаю, что Николай Анатольевич реагирует очень жестко. Прощайте, Игорь.

Игоря несколько покорило от сказанного напоследок «прощайте».

– Прощайте и вы, Валерий Петрович! – выкрикнул он, хотя отключившийся Герасимов уже не мог его слышать.

Спустя три дня, которые прошли абсолютно спокойно, наступил день, которого Журбин ждал каждый год, несмотря на то что уже давно был взрослым. Наступило тридцать первое декабря. Елка была заблаговременно, хоть и незаконно срублена Игорем в соседнем лесочке, продукты к новогоднему столу он тоже купил заранее. Так что можно было не суетиться. Хотя суетиться повода в любом случае не было. Впервые за несколько лет Игорь и Татьяна встречали Новый год вдвоем. Родители Игоря умерли один за другим еще несколько лет назад, а родители Тани, проработавшие много лет на Севере, перебрались в Краснодарский край, чтобы встречать старость в тепле. Так что родственников поблизости у них не было, а друзья семьи, которые в основном были друзьями Игоря, куда-то незаметно исчезли, перестав о себе напоминать. В один из дней, глядя на уже давно молчащий мобильник, Журбин взял его в руки и открыл телефонную книжку. В ней было несколько сотен номеров. Он пробежался по списку. Из этих сотен от силы было два-три человека, кому он сейчас сам хотел бы позвонить, и, судя по молчанию телефона, не было никого, кто хотел бы позвонить ему. Все это были не его друзья и знакомые. Это были друзья директора крупнейшей фабрики города, которым он больше не являлся. Не зная зачем, Игорь позвонил Шишанову, который ухитрился не попасть в немилость и остался работать на фабрике. После второго длинного гудка неожиданно последовали короткие. Вызываемый абонент вызов отклонил.

– Все логично, все так и должно быть, – пробормотал Игорь, выключая мобильный, – больше я никому не нужен. Все про меня уже забыли.

Как оказалось, он был не прав и забыли про него отнюдь не все. Почти сразу после новогодних праздников на адрес, по которому было зарегистрировано предприятие его жены, пришло письмо из юридического отдела обувного холдинга с требованием незамедлительно вернуть незаконно полученные двенадцать миллионов рублей. «В противном случае компания оставляет за собой право обратиться в судебные и следственные органы для привлечения к ответственности виновных в противоправных деяниях лиц и компенсации нанесенного нам ущерба». Журбин смял письмо и раздраженно бросил его на стол. Двенадцать миллионов – крупная сумма. Слишком крупная для него. Если он продаст свою «камри», то выручит миллиона полтора, не больше. Еще около миллиона можно получить за «короллу» жены. Дом вряд ли получится продать больше чем миллионов за пять, да и то это быстро не сделать. Оставалась еще небольшая двухкомнатная квартира, принадлежавшая Татьяне, но и она не могла стоить дороже двух миллионов рублей. По подсчетам Игоря выходило, что если они продадут все, что имеют, и добавят около миллиона, которые накопились на его счете, то им все равно не хватит денег, чтобы расплатиться с Белоусовым. Получалось, что и пытаться что-то выплатить не имело смысла.

Спустившаяся со второго этажа Татьяна развернула смятое письмо. На лице ее сначала отразилось удивление, а затем испуг.

– Как же так, Игорь? Мы же не брали этих денег.

– Не брали, но получали. – Он обнял жену и почувствовал, как часто бьется ее сердце.

– Но ты же потратил все на ремонт, ты же потратил все на эту дурацкую крышу! – воскликнула, вырываясь из его рук, Татьяна. – Зачем ты это сделал? Зачем? Кому стало от этого лучше?

Не зная, что ответить, Журбин опустился на диван. Спорить с Татьяной было глупо, он понимал, что сам подставил и себя и жену. Единственное, чего он не мог понять, так это что теперь делать дальше. Очевидно, не понимала этого и Татьяна.

– Ты же понимаешь, они все у нас отнимут, – она придвинула стул ближе к дивану и села прямо напротив Игоря, – и этот дом, и квартиру, и все остальное. И как мы тогда будем жить, Игорь, ты думал об этом? Ты хоть о чем-то тогда думал?

Она уткнулась лицом в ладони и зарыдала.

– Претензия идет на имя твоей фирмы, – наконец смог ответить Игорь, – у тебя ведь там нет почти никакого имущества, а по долгам предприятия ты отвечать не обязана. Если в ближайшие дни открыть новое юридическое лицо, то можно будет перерегистрировать договора аренды, и вы сможете работать как прежде, только под новым именем.

– Ты думаешь, что все так просто? – Татьяна ладонью растерла по лицу слезы. – Ты думаешь, Белоусов нас так просто отпустит?

– Не знаю, – Игорь опустился перед женой на колени и прижался щекой к ее животу, – но это хотя бы шанс. Надо попробовать.

– Надо попробовать, – машинально повторила Татьяна, глядя мокрыми от слез руками голову мужа.

Следующие несколько дней прошли в суете. Фирму Татьяны, которая состояла из трех небольших торгующих цветами точек, было решено перерегистрировать на одного из продавцов. Полдня Татьяна потратила только на то, чтобы убедить девушку, что это не сулит ей никаких неприятностей, а вот прибавку к зарплате она получит. Сама регистрация предприятия, открытие счета и переоформление договоров аренды потребовали гораздо меньших усилий. Все эти хлопоты были совсем необременительны ни для Татьяны, ни для Игоря. Они дали возможность наконец снова почувствовать, что от них что-то зависит, что они еще могут многое изменить. Игорю больше никто не звонил, но теперь молчащий телефон его совсем не расстраивал, наоборот, служил источником оптимизма. Гости, решившие навестить их морозным январским утром, тоже звонить не стали.

Громкий стук в дверь раздался, когда было еще темно. Ничего не понимающий Игорь взглянул на экран мобильного. Еще не было и семи утра. Кого могло принести так рано, он не знал, но почувствовал, как сердце забилося чаще. Стук в дверь повторился. Стучали явно кулаком, со всей силы.

– Кто это? – испуганно спросила Татьяна.

– Сейчас узнаем. – Игорь нащарил ногами тапочки.

– Может, не открывать? – Татьяна села на кровати.

– Будь здесь, я сейчас посмотрю, кто там.

Игорь вышел из спальни, перешел в соседнюю комнату и подкрался к окну. Из окна второго этажа был хорошо виден весь двор, на который падал свет установленного на доме соседа мощного прожектора. Хорошо были видны и люди, находившиеся во дворе. Людей этих было много, и, судя по всему, люди эти были полицейскими.

Дверь содрогнулась от новых, еще более сильных ударов, и Журбин поспешил вниз, крикнув жене, что ей лучше одеться. Когда он, отодвинув засов, распахнул дверь, то был сразу же ослеплен мощным лучом фонаря. Чьи-то сильные руки бесцеремонно оттолкнули его назад и прижали к стене.

– Журбин Игорь Иванович? – услышал он молодой женский голос.

– Да, – с трудом смог выдавить Игорь, – у меня жена беременная, не напугайте ее.

– Мы вроде не такие и страшные. – В женском голосе отчетливо слышалась насмешка.

Рука с ярко-розовыми аккуратными ногтями поднесла к лицу Журбина удостоверение.

– Капитан Шнейдер Мария Анатольевна, следственное управление, – представилась дама.

Точнее, представилась она как-то значительно длиннее, но Игорь не смог запомнить названия отделов и управлений, перечисленных ею.

– У меня постановление на обыск, ознакомьтесь. – Она протянула ему лист бумаги и небрежно приказала: – Да отпустите вы его, он уже весь трясется. К вашим соседям уже пошли, так что понятые скоро будут, – вновь обратилась она к Игорю, – а где у нас Татьяна Алексеевна?

– Таня? – глупо переспросил Игорь и, поняв, что да, Таня, крикнул неожиданно высоким голосом: – Танечка, спустись вниз, пожалуйста!

Один из вошедших в дом мужчин с автоматом сделал было шаг к лестнице, но Шнейдер, небрежно махнув рукой, остановила его:

– Да спустится она, не суетись.

Действительно, не прошло и минуты, как Татьяна медленно спустилась по лестнице. Одну руку она держала на животе, другой опиралась о перила.

– Игорь, что здесь происходит? – Она испуганно смотрела на вооруженных людей.

– Здравствуйте, Татьяна Алексеевна, – Шнайдер шагнула навстречу Татьяне, – вы приходите в гостиную, присядьте на диван, сейчас мы с вами побеседуем и я вам все объясню. Вы, Игорь Иванович, – обернулась она к Журбину, – тоже рядом с супругой присядьте, пожалуйста.

С появлением смущенных соседей начался обыск, продлившийся более двух часов. Полицейских было много, они одновременно заполнили собой все комнаты дома и, громко переговариваясь между собой, начали разрушать все то, что было домом четы Журбиных. Конечно, они ничего не ломали в прямом смысле этого слова, но все, к чему они прикасались, становилось для Игоря и Татьяны чужим, испачканным той грязью, что отмыть уже невозможно. Все время, пока длился обыск, Татьяна и Игорь просидели молча на диване в гостиной. Татьяна откинулась на спинку дивана и сидела, закрыв глаза. Можно было подумать, что она спит, если бы не руки, периодически поглаживающие живот.

Распотрошив дом, полицейские изъяли оба ноутбука и мобильные телефоны. Татьяна и Игорь поочередно подписали протоколы и акты об изъятии, надеясь, что люди, так рьяно копающиеся в их жизни, наконец уйдут.

– А теперь, Татьяна Алексеевна, ознакомьтесь вот с этим документом. – Шнейдер предъявила Татьяне еще один лист бумаги.

Журбина пробежала глазами текст и уронила лист на пол. Игорь наклонился и поднял документ. Одного взгляда ему было достаточно, чтобы все понять.

– Она задержана? Почему? – Он схватил жену за руку, словно надеясь этим защитить ее.

– Так же нельзя, – прошептала Татьяна, – так нельзя. Так же нельзя делать! – неожиданно закричала она так, что крик ее был слышен во всем доме.

Побледневшая соседка закрыла глаза и уткнулась лицом в плечо мужа.

– Вот только не надо здесь орать, – неожиданно зло произнесла следователь, – что, животом прикрыться надумала? Не выйдет. У нас и беременные есть, и родившие, у нас кого только нет. Все условия созданы, дорогая.

– Но она же здесь вообще ни при чем, – вскочил с места Журбин.

Очевидно, Шнейдер испугалась его резкого движения, так как отступила в сторону. Игорь увидел, как один из стоявших рядом с ней полицейских вскинул автомат.

– Вы что? Вы с ума все сошли? – Журбин замер.

– Так, эту уводите. Будет дергаться, наручники наденьте, – нервно скомандовала Шнейдер, – а с вами, Игорь Иванович, мы побеседуем, но чуть позже. И непременно разберемся, кто и в чем виноват. Можете не сомневаться, ваша роль в этом деле тоже будет оценена по достоинству.

На улицу Игорю выйти не позволили. Через оконное стекло он мог видеть, как Татьяна шла по заснеженной дорожке, окруженная несколькими полицейскими так, словно они опасались того, что она может перемахнуть через забор и броситься бежать. Уже рассвело, и Игорь неотрывно смотрел Татьяне в затылок, который иногда появлялся из-за спин полицейских. Он все ждал, что жена обернется, но этого так и не произошло, и ее фигура скрылась внутри захватившего к ним во двор микроавтобуса.

Допрос длился долго. Татьяна никогда не представляла себе, что так долго можно разговаривать о том, о чем почти ничего не знаешь. Очевидно, что следователь придерживалась прямо противоположного мнения и раз за разом прогоняла Татьяну по одному и тому же кругу

вопросов, иногда немного меняя их последовательность и форму. Предоставленный Журбиной дежурный адвокат откровенно скучал, не вмешиваясь в их затянувшуюся беседу.

В конце концов Татьяна не выдержала:

– Вы чего от меня хотите? Чтобы я заявила: да, мы украли эти деньги? Получили их на счет моего предприятия, затем обналичили и потратили на себя любимых?

– А разве не так все было? – вопросом на вопрос ответила Шнейдер.

– Не так! И вы знаете это прекрасно, а если не знаете, то тогда вообще непонятно, что вы за следователь такой и зачем вы тут сидите.

– Спокойнее, Татьяна Алексеевна, не следует давать волю эмоциям.

Голос адвоката прозвучал настолько неожиданно, что Татьяна с удивлением повернула к нему голову, несколько мгновений внимательно смотрела на предоставленного ей защитника, затем вновь повернулась к следователю. Шнейдер явно была недовольна ее последней репликой.

– Ну что же, Татьяна Алексеевна, сотрудничать со следствием вы, как я вижу, совсем не хотите. Значит, пока мы прервем наше с вами общение. Через пару часов в суде будет рассмотрен вопрос об избрании вам меры пресечения на ближайшие два месяца. Так вот знайте, следствие будет настаивать на вашем аресте.

– А следствие – это вы, верно? – уточнила Татьяна.

– А следствие – это я, – поставила точку в разговоре Шнейдер.

Только когда она оказалась одна в помещении для задержанных и села на жесткую деревянную скамью, то поняла, как устала. А еще она почувствовала, что боится. Боится этих решений, этих лязгающих железом замков, этих людей в форме с угрюмыми лицами, а больше всего она боится своего будущего.

– Будущее страшно неопределенно, но определенно, что страшно, – пробормотала Татьяна и уткнулась лицом в колени.

Она попыталась успокоиться, однако это ей никак не удавалось. Боли внизу живота, которые она почувствовала еще во время допроса, никак не отпускали и даже понемногу усиливались. Поначалу она не придавала им большого значения, но сейчас ей неожиданно стало тревожно. Будь она дома, то, конечно, позвонила бы своему врачу, но что делать сейчас, она не знала. Позвать на помощь? Попросить вызвать скорую? Люди, которых она видела в течение всего дня, были очень не похожи на тех, к кому стоило обращаться за помощью.

Татьяна замерла. Она расстегнула одну застежку купленного недавно специального комбинезона для беременных и сунула внутрь руку. Коснувшись под одеждой чего-то влажного и теплого, она выдернула руку и с ужасом уставилась на свои пальцы. Они были в крови. Ее отчаянный крик заставил заскучавшего дежурного вскочить на ноги.

Женщина стояла неподвижно. Лицо ее было абсолютно спокойно, порой даже казалось, что она улыбается, во всяком случае, уголки ее губ немного подергивались. На вопросы она отвечала выборочно, иногда достаточно подробно, а иногда лишь молча качала головой, давая понять, что сказать ей нечего. В конце концов она укоризненно посмотрела на врача.

– Васенька уже устал, ему надо покушать и спать ложиться. – Она ласково посмотрела на ребенка.

– Конечно, конечно, – засуетился врач, – я сегодня вас не буду больше беспокоить, зайду завтра.

Когда доктор вышел из палаты, женщина легла так, чтобы было удобнее кормить малыша грудью. Через несколько мгновений на лице у нее появилось умиротворенное выражение счастливой матери, дающей своему ребенку все то, что она может и должна ему дать. Общение с врачом сильно утомило ее. Она закрыла глаза и незаметно для себя уснула. Свет ламп, казалось, совершенно ей не мешал. Она спала на левом боку, поджав ноги и прижимая к груди

подушку, дышала она очень тихо. Ее дыхание можно было услышать, лишь замерев совсем рядом и прислушавшись. Спала женщина очень чутко, готовая в любой момент проснуться, если Васенька заплачет. Однако Васенька сегодня, так же как и все предыдущие дни, не плакал. Ведь в палате, кроме Татьяны, не было никого. Даже Васеньки.

Глава 3

2 июня этого года

Водитель не сразу нашел нужный адрес. Дом, возле которого он наконец остановился, был расположен на окраине дачного поселка и казался заброшенным. «И для чего им такая большая машина понадобилась? Ко мне в будку весь их курятник влезет». Шофер протяжно посигналил. Вскоре он увидел, как из дома вышел мужчина в синем рабочем комбинезоне и поспешил открыть покосившиеся деревянные ворота.

– Сдавай задом! – крикнул мужчина.

Тяжелый грузовик, осторожно маневрируя, со второй попытки смог въехать в узкий про-свет и подъехал настолько близко к дому, насколько это было возможно. Участок был пустой, неухоженный, и движению ничего, кроме зарослей крапивы, не мешало.

– Шеф, сможешь диван вынести? – поинтересовался заказчик. – Тебя как зовут, кстати?

– Чего ж грузчиков не наняли? – Водитель явно не горел желанием принимать участие в погрузке. – У меня спина не казенная.

– Будь человеком, я пятихатку накину сверху, – мужчина явно выглядел растерянным, – брат жены обещал приехать и подвел, гаденыш.

– Оно всегда так, – хмыкнул водитель, – родня жены – это не твоя родня. Чуть что, так сразу в кусты. Ладно уж, показывай свой диван. Серега меня зовут.

Они прошли в дом. Заказчик вежливо посторонился, пропуская перед собой водителя. Проходя через грязную захламленную веранду, тот еще раз подумал о том, что же такого ценного может быть в этом доме, из-за чего стоит тратиться на грузоперевозки. Шагнув внутрь дома, он понял, что не из-за чего. Но было уже поздно.

Что-то твердое и холодное, судя по всему, какой-то кусок железа уперся ему в затылок.

– На колени. – Голос клиента уже не просил. Он приказывал. – Заведи руки за спину.

Водитель грузовика – высокий здоровый мужик с круглым лицом и синими прожилками на носу – был силен, и силой своей прихвастнуть любил, особенно выжимая лишние деньги из прижимистых клиентов. Вот и сейчас он наверняка мог бы одним ударом тяжелого кулака выбить всю дурь из башки этого полоумного, который тыкал в него какой-то железякой, вот только что-то останавливало его от подобной попытки. Это что-то звалось одним простым и коротким словом – «страх», но в принципе из уважения к себе его вполне можно было заменить на слово «осторожность».

Впрочем, водителю сейчас явно было не до лингвистических нюансов. Он медленно, стараясь не нервировать стоящего сзади него человека, опустил сначала на одно колено, затем и на другое, так же медленно завел руки за спину. В запястья тут же впились наручники, то, что это именно они, было понятно и не глядя.

– А ты молодец, соображаешь. Я боялся, бы-ковать начнешь. – В голосе стоящего за спиной человека слышалось одобрение. – Я тебя сейчас свяжу, и ты тут полежишь тихонько пару часов. Я пока одолжу твою машинку на время. – Не теряя времени, мужчина стягивал руки и ноги Сереги широким скотчем. – Хорошая вещь скотч, лучше веревки, – комментировал он свои действия, – в детективах вычитал. И растягивается меньше, и узлы не развяжутся. Тебе как, нормально? – любопытствовал он то ли всерьез, то ли в шутку.

– Нормально, лучше некуда, – раздраженно бросил связанный.

– Точно! – обрадовался мужчина. – Я же про рот забыл. Ротик я тебе сейчас тоже заклею. Вот только, друг мой, ты мне назови пароль к своему телефону. Да не мнись, – он отвесил

увесистую оплеуху молчащему парню, – вернется к тебе твой телефон. Я как все дела сделаю, так с твоего номера позвоню, скажу, где искать тебя. Кому позвонить, кстати? Жене, маме?

– Маме не надо, у нее сердце, – вскинул голову водитель.

– Ну, значит, маме не будем, я ж не зверь какой, – успокоил его мужчина, – у жены как с сердцем, нормально?

– Не жаловалась, – буркнул Серега.

Это были его последние слова. Широкая полоска скотча закрыла ему рот и лишила возможности сказать еще что-либо. Возможности двигаться он был уже полностью лишен за минуту до этого.

Мужчина в комбинезоне взглянул на часы: 18:40. Он завел мотор, дизельный двигатель корейского грузовичка уверенно затарахтел. Машина, конечно, была совсем не новая, но, как он уже успел убедиться, на ходу чувствовала себя более чем уверенно и хорошо набирала скорость, не обремененная тяжелым грузом. Грузовик стал на парковке у небольшого двухэтажного магазина, расположенного на выезде из города. Дорога из кабины была отлично видна, и человек, сидящий внутри, не беспокоился, что пропустит нужный ему автомобиль. Благодаря стараниям владельцев магазина расположенный прямо перед магазином пешеходный переход был оборудован двумя так называемыми лежащими полицейскими, перед которыми вынужденно притормаживали все проезжающие машины. Конечно, немецкий кроссовер разгоняется быстрее, чем корейский грузовик, но он знал: она спешить не будет. Она никогда не спешит. За рулем ожидаемой им машины была женщина.

18:43. Белоснежная «ауди» мягко накатилась колесами на первое препятствие перед переходом, затем ее кузов качнулся на втором уже после него. Из-под заднего бампера автомобиля вырвались сразу два облака дыма, и он начал плавно набирать скорость. Плавно, но быстро, быстрее, чем это было предыдущие несколько дней, когда он отслеживал свою жертву. Мотор грузовика надрывно заревел, машина выехала с парковки и влилась в поток выезжающих из города автомобилей. Поток этот не был очень плотным. По будням за город выезжало не так много народу в сравнении с пятницей, когда длинная вереница рвущихся на природу дачников вытягивалась на несколько километров, позволяя почувствовать себя жителем настоящего города. По средам все было гораздо спокойнее.

Он выжимал из грузовика все, на что была способна немолодая машина, и тем не менее чувствовал, что не успевает. До выезда на мост оставалось всего метров двести, а он все никак не мог поравняться с ускользающей от него добычей. Помогла собака. Обычная беспородная шавка, решившая перебежать дорогу в самом неподходящем для этого месте. На багажнике «ауди» зажглись стоп-сигналы, машина на мгновение притормозила, пропуская хвостатое недоразумение, и вновь ускорила. Этого мгновения ему как раз хватило. За пятьдесят метров до моста обе машины поравнялись, а еще через сорок метров он с силой вывернул руль вправо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.